

веления должны быть святы для вас: *я вам отец и судья*. Мое дело знать, что справедливо и для вас полезно... Кликучам объявить мои господским именем, чтобы они унялись и перестали кликать. Если же не уймутся, то приказываю тебе высечь их розгами, ибо это обман и притворство»⁹.

Присмотревшись к этим домашним порядкам русского дворянина Александровской эпохи, мы ясно увидим, где этот дворянин нашел свой — уже действительно национальный — идеал государственного устройства. Государь — провидение, посредством страха управляющий своими рабами-подданными, это увеличенный в миллион раз и несколько — очень мало — идеализированный глава большого крепостного хозяйства. Русский национализм Карамзина на поверку оказывается социальным консерватизмом: старые общественные формы должны были обеспечить старый общественный строй. А у дворянства как раз в эту минуту были свои основания опасаться за целостность этого последнего. <...>

Борьба классов и русская историческая литература

<...> литература, дошедшая до нас от Смутного времени, есть литература имущих классов, и ни одного произведения, которое отражало бы в себе точку зрения крестьянства, к сожалению, мы не имеем. Но это, конечно, заставляет нас относиться к этой литературе с сугубым недоверием и особенно критически рассматривать все ее показания. Если о Борисе Годунове¹⁰ мы находим в ней столько ядовитой лжи, пущенной в оборот Василием Шуйским¹¹, — а впоследствии его противники, главным образом сторонники Романовых¹², умели рассказать немало пахучих анекдотов о самом Василии, — то какой же «объективности» могли бы ожидать от тогдашних историков вождь восставшего крестьянства Болотников или тушинское правительство? Изучать народное движение «Смуты» по дошедшим до нас современным хронистам — то же, что изучать Октябрьскую революцию по «Русскому слову»¹³.

Эту довольно сухую материю, вас, вероятно, несколько утомившую, мне бы хотелось закончить веселым штрихом. Этот веселый штрих заключается в знаменитой «Истории государ-

ства Российского» Н. М. Карамзина, который, по словам Пушкина, был Колумбом древней России — открыл древнюю Россию, как Колумб открыл Америку. Эта фигура чрезвычайно любопытная, потому что в Карамзине, писавшем в начале XIX века, политическая публицистика под видом объективной истории приобретает особенно выпуклый и, я бы сказал, цинический характер. «История государства Российского» — это не только публицистическое произведение, но это публицистическое произведение, корни которого для нас открыты. Я постараюсь рассказать вам это его собственными словами, рядом выдержек из его писем. Эта своего рода автобиография вам покажет, чего можно ожидать от «Истории» Карамзина как научного произведения.

Первое письмо, которое приходится цитировать, Карамзин адресовал к тогдашнему попечителю Московского учебного округа, как он тогда назывался, куратору Московского университета Муравьеву:¹⁴

«Имея доказательства вашего ко мне благорасположения, а более всего уверенный в вашей любви ко славе отечества и русской словесности, беру смелость говорить вам о моем положении. Будучи весьма небогат, я издавал журнал с тем намерением, чтобы *принужденною* работою пяти или шести лет купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы — одним словом, сочинять Русскую Историю, которая с некоторого времени занимает всю душу мою. Теперь слабые глаза не позволяют мне трудиться по вечерам и принуждают меня отказаться от “*Вестника*”¹⁵. Могу и хочу писать Историю, которая не требует поспешной и срочной работы; но еще не имею способа жить без большой нужды. С журналом я лишаюсь 6000 рублей доходу. Если вы думаете, милостивый государь, что правительство может иметь некоторое уважение к человеку, который способствует успехам языка и вкуса, заслужил лестное благоволение российской публики и которого безделки, напечатанные на разных языках Европы, удостоились хорошего отзыва славных иностранных литераторов, то нельзя ли при случае доложить императору о моем положении и ревностном желании написать историю не варварскую и не постыдную для его царствования?.. Хочу не избытка, а только способа прожить пять или шесть лет; ибо в это время надеюсь управиться с Историею. И тогда я мог бы отказаться от пенсии: написанная История и публика не оставили бы меня в нужде. Смею думать, что я трудом своим заслужил бы профессорское жалованье, которое предлагали мне дерптские кураторы, но

вместе с должностью, неблагоприятною для таланта. — Сказав все и вручив вам судьбу моего авторства, остаюсь в ожидании вашего снисходительного ответа. Другого человека я не обременил бы такою просьбою; но вас знаю и не боюсь показаться вам смешным. Вы же *наши* попечитель...»¹⁶

Письмо послано 28 сентября 1803 года, и 31 октября состоялся высочайший указ: «В именном его императорского величества указе, данном кабинету, от 31 октября 1803 г., сказано: как известный писатель, Московского университета почетный член, Николай Карамзин изъявил нам желание посвятить труды свои сочинению полной Истории отечества нашего, то мы, желая ободрить его в столь похвальном предприятии, всемилоостивейше повелеваем производить ему в качестве историографа по две тысячи рублей ежегодного пенсионна из кабинета нашего»¹⁷.

Карамзин, рассказывает его биограф, «выразил свою благодарность почтенному покровителю следующим письмом, которое должно украшать и биографию Муравьева: «Вам единственно обязан я милостию государя и способом заниматься таким делом, которое может быть славно для меня и не бесславно для России; к сему одолжению вы присоединили еще всю нежность души кроткой, чувствительной и тем возвысили цену его... Как вам приятно делать добро, так сердцу моему сладостно быть навеки благодарным. Прошу вас, милостивый государь, изъявить великодушному монарху усердную и благоговейную признательность одного из его вернейших подданных, который посвятит всю жизнь свою на оправдания его благодеяний»¹⁸.

Дело совершенно ясное. Император Александр I, взвесив все обстоятельства, убедился, что писатель заслуживает доверия, хочет посвятить дни свои писанию «Истории», которая бы прославила, между прочим, и царствование Александра, и дал ему за это определенную сумму денег. Совершенно ясная и определенная вещь. Так началась «История государства Российского» Карамзина. Когда наш брат теперь напишет что-нибудь новое — куда он идет? Он идет в Коммунистическую академию и там читает. Когда Карамзин написал первую главу «Истории» — что он сделал? Он поехал в Тверь, где в это время находился Александр I в гостях у сестры Екатерины Павловны, и там Александру I читал первую главу своего произведения. Совершенно естественно — читают тому, для кого пишут. Писал Карамзин Александру по его заказу, ему и нужно прочесть. Мы пишем для нашей коммунистической публики и ей читаем, а он поехал царю читать. Совершенно естественно, Александр

заслушался «Русской Истории» так, что позабыл следить за временем; когда Карамзин кончил читать, Александр, вынув часы, обратился к сестре и сказал: «Знаете ли, который час? Уже 12. До полуночи засиделся, не заметив времени!» «История», таким образом, была одобрена. Карамзин, ободренный успехом, продолжал ее писать и в 1816 году с готовыми 10 томами приехал в Петербург — не с первой главой, как с образчиком, а уже со всей «Историей». Тут начинается история с «Историей» Карамзина. Я не знаю, как вам читать, это длинно, но это до такой степени выразительно... Он приехал в Петербург, довел до сведения государя, что он привез «Историю», которая была ему заказана. Государь сказал, что пригласит его и выслушает в назначенное время, но не сказал — когда. Тут праздник замешался; это был мясоед — сначала Рождество, потом масленица все мешали. Сидит Карамзин и ждет и томится, что будет.

«7 и 8 февраля... Будучи бесперестанно в движении, я не ступил почти ни шагу к главной цели. Один *вельможа* или боярин (ибо здесь нет вельмож, кроме одного графа Аракчеева¹⁹, как сказывают) вымолвил моему приятелю такое слово: “Карамзин хочет, чтобы казна дала деньги на печатание его Истории; но сумма велика, и вероятно, что по новым правилам экономии ему откажут или не откажут, да не дадут. В таком случае я с удовольствием предложил бы ему 50 тысяч для сего дела”. Я рад, что у нас есть такие бояре, но скорее брошу свою Историю в огонь, нежели возьму 50 тысяч от партикулярного человека. Хочу единственно должного и справедливого, а не милостей и подарков».

«11 февраля. От государя ни слова. Императрица Мария нередко говорит обо мне с другими, как мне сказывают. Что будет далее, не знаю; но знаю, что 10 марта (если не прежде) возьму подорожную, чтобы ехать к вам назад и более не заглядывать в Петербург, хотя не могу довольно нахвалиться ласками здешних господ и приятелей».

«18 февраля. Государь, как знаешь, обещался позвать меня в кабинет *после праздников*. Через два дня пост; но говенье опять может быть препятствием. Увидим. Добрые люди на всякий случай дают мне мысль продать свою Историю тысяч за сто, то есть если не увижу государя еще недели три или казна не выдаст мне денег для ее печатания. Покупщик, может быть, найдется; но согласно ли это с достоинством Российской Империи и с честью историографа?»

«24 и 25 февраля. Уже три недели я здесь и *теряю время* на суету: не подвигаюсь вперед и действительно *имею нужду* в

терпении. Почти ежедневно слышу, и в особенности через великую княгиню, что государь благорасположен принять меня — и все только *слышу*. Видишь, как трудно войти в святилище его кабинета. Вчера граф Каподистрия²⁰ (сидевший у меня три часа) в утешение говорил мне, что государь во все это время еще никого не принимал у себя в кабинете, следовательно, надобно ждать... Буду молчать до третьей недели поста, а там скажу, что пора мне домой, как я уже писал к тебе»²¹.

Дальше разворачивается история. Оказывается, чтобы попасть в кабинет к Александру I, надо было пройти через кабинет Аракчеева, «единственного вельможи». Сначала думали, что Карамзин догадается это сделать сам, но он не догадывался. Тогда Аракчеев прислал сказать, что он желал бы его у себя видеть. Карамзин думал, что приглашение относится к его брату, который был знаком с Аракчевым, и то ли от скромности, то ли от гордости не пошел. Пошел брат, и произошло кви-прокво: * Аракчеев не узнал брата и стал выражать свое удовольствие по поводу того, что знакомится с великим историографом. Брат объяснил недоразумение, и тут-то выяснилось, что сомнений нет: Аракчеев желает видеть именно историка Карамзина. Тот надел мундир и завез свою визитную карточку Аракчеву. Все это время он питался слухами о том, что сказал государь: то, что денег ему не дадут, то, что сделают его камергером. Среди этих томлений он появился у Аракчеева и имел с ним беседу. «Я отвез карточку к графу Аракчеву, и на третий день получил от него зов; приехал в 7 часов вечера и пробыл с ним более часу. Он несколько раз меня удерживал. Говорили с некоторой искренностью. Я рассказал ему мои обстоятельства и на вызов его замолвить за меня слово государю отвечал: “Не прошу, ваше сиятельство; но если вам угодно, и если будет кстати” и проч. Он сказал: “Государь, без сомнения, расположен принять вас, и не на две минуты, как некоторых, но для беседы приятнейшей, если не ошибаюсь”. Пришел третий человек, его *ближний*, и разговор наш переменялся. Слышно, что он думает пригласить меня к обеду. Вообще я нашел в нем человека с умом и с хорошими правилами»²².

Наконец 16 марта (после 2 месяцев ожидания) мог написать Карамзин жене: «Милая! Вчера в 5 часов вечера пришел я к государю. Он не заставил меня ждать ни минуты; встретил ласково, обнял и провел со мною *час сорок минут* в разговоре ис-

* От лат. *qui pro quo* — один вместо другого, т. е. смешение понятий, путаница, недоразумение.

креннем, милостивом, прекрасном. Воображай, что хочешь; не вообразишь всей его любезности, приветливости. Я хотел прочесть ему дедикацию;²³ два раза начинал и не кончил. Скажи: *тем лучше*, ибо он хотел говорить со мною. Я предложил наконец свои *требования*: все принято, дано, как нельзя лучше: на печатание 60 тысяч и чин, мне принадлежащий по закону. Печатать здесь, в Петербурге; весну и лето жить, если хочу, в Царском Селе; право быть искренним и проч.» (!!)²⁴

«*Марта 17*. Вчера я отвез карточку к графу Аракчееву: он догадается, что это в знак благодарности учтивой. Вероятно, что он говорил обо мне с императором».

«*21 марта*. Ты уже знаешь, друг бесценный, что государь пожаловал мне еще Аннинскую ленту через плечо, и самым приятнейшим образом»²⁵.

Какая это типичная придворная история! И при свете этой истории вы легко понимаете отношение тогдашней либеральной публики к «Истории Карамзина», отношение, выразившееся в едкой эпиграмме Пушкина: «В его “Истории” изящность, простота доказывают нам без всякого пристрастия необходимость самовластья и прелести кнута»²⁶. Это была действительно официальная «историография» той России, того режима, который привел декабристов к убеждению, что, не вырезав всех Романовых, нельзя сделать шагу вперед. Это была книга, написанная по заказу Александра I и для него, — но нужно, чтобы она угодила и Аракчееву.

Нам теперь приходится выяснить прежде всего не тот угол зрения, под которым Карамзин смотрел на историю, а смысл той философии истории, смысл того подхода, который нашли нужным Александр I, Аракчеев, вообще все тогдашнее правительство продиктовать Карамзину. Если мы подойдем с этого конца, то мы поймем основную идею Карамзина. Основная идея заключается в том, что Россия всегда спасалась единодержавием, объединением под одной властью. Возьмите царствование Екатерины II²⁷ и Александра I. Что это были за люди? Это были великие собиратели земли. Екатерина II поделила Польшу и отрезала от нее громадный кусок в пользу Российской империи; Александр I захватил остатки Польши, привислинские губернии и Финляндию. В промежутке он укрепил Закавказье, Грузию, нынешний Азербайджан, Армению и т. д. Надо было оправдать это собирание земли новейшими царями, и вот Карамзин собирание русской земли делает стержнем всего русского исторического процесса. Сначала собирал Рюрик или во всяком случае Владимир. Ярослав по глупости разделил со-

бранное между своими детьми. Приходилось собирать сызнова. Собирали Иван Калита²⁸, Иван III, собирал Иван Грозный. Потом стали собирать Романовы, Екатерина II, Александр I. Правда, собирали они довольно своеобразно: они собирали то, что лежало в чужих карманах.

И вот их историограф, который пишет по их заказам, из этого собирания делает смысл всей русской истории. У него все сводится к этому собиранию. Значит, для того чтобы понять, расшифровать «Историю» Карамзина окончательно, нам остается одно — узнать, чем руководилось это собирание. И тут мы без труда увидим ту классовую силу, которая стояла за «собирателями». Собирание Руси с самого начала Московского княжества и до Александра I двигалось совершенно определенным экономическим фактором — этим фактором был *торговый капитал*. Для торгового капитала чрезвычайно важны были размеры территории, на которой он действует, потому что, чем шире территория, находящаяся в монопольном обладании торгового капитала, тем крупнее его оборот и тем больше его прибыль. Отсюда наклонность государств торгового капитала собирать землю. Французский торговый капитал заставил французских королей собирать Францию. Торговый капитал XVI века повел к образованию громадной империи Карла V²⁹, в пределах которой не заходило солнце. Торговый капитал всегда и всюду вел к собиранию земли, потому что ему экономически было нужно объединить в одних руках громадную территорию. И, изучая шаг за шагом историю так называемой Российской империи, вы видите, что это есть ряд завоеваний торгового капитала, под влиянием которого складывается империя, собираются земли. Источником собирания земель служили, с одной стороны, завоевания на Востоке, а с другой — отнятые области на Западе, у Польши, у Украины. Торговый капитал тянул к себе все новые земли и в конце концов при Николае I начал распухать за географические пределы русской равнины, попытавшись втянуть в круг своих действий и Персию, и Турцию, и даже Среднюю Азию.

Если вы подойдете с этим ключом к Карамзину, вы не только поймете его «Историю», поймете, почему торговый капитал, о котором ни слова не говорится в «Истории», вел эту «Историю» к собиранию земли, но вы поймете и физиономию Карамзина как общественного типа, вы поймете, почему он был сторонником крепостного права, почему он был противником освобождения крестьян: потому что торговый капитал у нас в

России создал барщинное хозяйство как средство выжимать из крепостных крестьян прибавочный продукт для рынка. Торговому капиталу необходим был аппарат в виде крепостного права: торговый капитал был настоящий царь, который стоял за коронованным в сущности призраком или, если хотите, за коронованным манекеном, был настоящей руководящей силой, которая создала и Русскую империю, и крепостное право.

Теперь представьте себе, что наивный человек возьмет и начнет читать «Историю» Карамзина, рассматривать ее как фотографию того, что происходило в России на протяжении с IX по XVI век. Вы согласитесь со мной, что этот человек будет в чрезвычайно глупом положении, потому что он не знает самого основного, у него нет ключа к этой загадочной летописи. Только когда у вас будет ключ, вы не будете обращать внимания на все это собрание Руси, потому что это нужно Карамзину для его публицистических целей, но вы вышелушите из этого те факты, которые он взял из разных источников. Правда, вам придется произвести работы и по отношению к этим фактам, но вы будете и тут иметь ключ к тому, как возникли эти факты, и только таким образом вы в состоянии будете использовать и Карамзина, и его источники. Если же вы все это упустите из виду и будете рассматривать Карамзина как идеального историка, который из интереса к прошлому занимался писанием русской истории, вы, конечно, ничего у него не поймете и будете им обмануты, как была им обманута когда-то вся наша школа. Та школьная история, которую вы, к счастью, не изучали, действительно строила всю русскую историю по линии собирания Руси и в этом собирании видела громадную заслугу русских государей в прошлом и весь смысл существования русского народа. Причем на вопрос: а зачем нужна вся эта куча земель, собранных под одной властью, зачем нужно, чтобы не понимающий русского языка финляндец, не понимающий его грузин присягали на подданство русскому царю, — история ответа дать не могла. Ответ на это дает классовая точка зрения.

